

ПОДПИСНА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ РЕДАКЦИИ

Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей

и въ канцеляріи

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА

ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

№ 156
(Ноябрь).

1909.

Цѣна съ перес.

за годъ 2 руб.,

за 3 мѣсяца

50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

СОДЕРЖАНІЕ. Что долженъ желать хрістіанинъ?—Молитва—величайшій даръ Божій—Никифоръ Петровичъ. *Цуумака Неофита.*—Чудесное исцѣленіе больной заступленіемъ Святителя и Чудотворца Николая. *Свящ. Л. Троицкаго.*

ЧЕГО ДОЛЖЕНЪ ЖЕЛАТЬ ХРИСТИАНИНЪ?

Видимъ, что люди много кое-чего желаютъ въ мирѣ, и чего желаютъ, того ищутъ. Но пусть желаютъ и ищутъ люди, чего хотятъ. Христіанине! Ты желай и ищи своего, то есть, что тебѣ прилично и нужно. Желаютъ люди счастье и благополучіе въ мирѣ семъ имѣть: ты желай и тщись истинное благочестіе въ сердцѣ своемъ имѣть; се есть христіанское желаніе! Желаютъ люди свободитися отъ работы, и быть свободными: ты желай свободитися отъ работы грѣховныя, и быть свободнымъ отъ грѣховъ; се есть желаніе христіанское! се есть истинная свобода! „Всякъ творяй грѣхъ, рабъ есть грѣха. Аще Сынъ вы свободитъ, воистинну свободни будете“ ¹⁾. Желаютъ люди побѣдить людей: ты желай побѣдить самого себя; се есть желаніе христіанское! се преславная побѣда! Желаютъ люди господами быть и другими повелѣвать: ты желай и тщись надъ плотію твоею господствовать, и той повелѣвать; се есть желаніе христіанское! се есть истинное господство! Желаютъ люди надъ людьми царствовать: ты желай и тщись надъ своими страстьми и похотьми царствовать; се есть желаніе христіанское! Истинный царь есть, кто собою и страстьми своими владѣетъ. Иже Христовы суть, плоть распяна со страстьми и похотьми ²⁾. То—то господа, владѣтели и цари! Господи помози намъ!

Изъ твореній святителя Тихона Задонскаго.

Молитва—величайшій даръ Божій.

Изъ многихъ великихъ и совершенныхъ даровъ Божіихъ къ роду человѣческому, самый наилучшій, драгоценнѣйшій и благопотребнѣйшій для насъ есть даръ молитвеннаго общенія съ Создателемъ. И дѣйствительно, что можетъ быть выше сего дара, когда временный, тлѣнный и ничтожный самъ по себѣ человѣкъ, имѣетъ возможность вступать въ бесѣду съ Высшимъ Су-

¹⁾ Іоан. VIII. 34, 36.

²⁾ Галат. V, 24.

ществомъ, отъ Котораго зависитъ и жизнь и дыханіе и все? Если бесѣда съ человѣкомъ мудрымъ и любвеобильнымъ доставляетъ намъ не малую пользу и пріятность, если знакомство и обращеніе съ человѣкомъ многомошнымъ и благорасположеннымъ, считается за великое счастье, то не тѣмъ ли болѣе можетъ доставить намъ пользы и безчисленныхъ благъ, бесѣда съ Богомъ-Источникомъ всякаго блага, содѣлать счастливыми и блаженными, общеніе съ Творцомъ,—преблагимъ и милостивымъ Владыкою жизни!..

Жизненный путь почти у каждаго человѣка, а особенно у хрістіанина, бываетъ исполненъ многоразличныхъ скорбей, нуждъ и испытаній, освободиться отъ которыхъ собственными силами, нѣтъ никакой возможности; но вотъ человѣку дана возможность возносить таковыя своему Творцу: „призови Мя въ день скорби твоя, и изму тя, и прославиши Мя“, говоритъ Господь. (Псал. 49, 15).

Потребность молитвеннаго общенія съ Создателемъ вытекаетъ изъ самого основанія души человѣческой, сотворенной по образу и подобію Божію, которая, имѣя въ себѣ отображеніе Божества и нося задатки высшей—духовной жизни, не удовлетворяется вполне ничѣмъ земнымъ и тварнымъ, и неудержимо влечется къ сродному, чая найти въ Богѣ конечный покой, утѣшеніе и утвержденіе. Можно такъ или иначе разстроить душу грѣхами, содѣлать ее неспособною къ молитвенному общенію съ Творцомъ, но совсѣмъ заглушить въ себѣ порывы и стремленія духа къ Богу, пресѣчь токъ богобоязненныхъ и благоговѣйныхъ помышленій о Верховномъ Существовѣ,—не возможно. Это составляетъ природу безсмертнаго духа, неудержимо тяготящаго къ высшей жизни и стремящагося къ конечному благу, которое и есть Богъ. И нѣтъ на землѣ такого языка, нѣтъ такого племени, гдѣ бы не исповѣдывалось имя Божіе, гдѣ бы не воздавалось благоговѣйное поклоненіе Творцу, и—не возносились бы молитвенные гласы къ Богу. Хотя, конечно, у многихъ народовъ, непросвѣщенныхъ свѣтомъ Хрістовымъ, истинное понятіе о Богѣ утрачено и образъ вѣрованія и богопочитанія извращенъ. „Измѣниша (бо) славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна человѣка и птицъ и четвероногъ и гадъ,—и послужиша твари паче Творца,“ говоритъ св. апостоль (Рим. 1 23, 25). Но это уже зависѣло отъ свободы и грѣховной воли самого человѣка, которыхъ Творецъ сильно не принуждаетъ къ добру. Итакъ молитва, вытекающая изъ глубины души, составляетъ самую жизненную, существеннѣйшую и главнѣйшую потребность человѣка.

И блаженъ человѣкъ, который поставляя цѣлюю своей жизни благоугожденіе Господу, полагаетъ (по слову пророка) восхожденія въ сердцѣ своемъ къ Богу (Псал. 83, 6) и возноситъ Ему—Живущему на небесахъ, свои сердечныя молитвы. Какого блага, какого утѣшенія сподобится онъ отъ Господа! Въ Богѣ онъ

найдетъ удовлетвореніе всѣхъ существеннѣйшихъ запросовъ своей души, обрѣтетъ сладкій покой мятущемуся духу и увѣрится „зѣло“ въ истинѣ словесъ и обѣтованій Божіихъ. При помощи молитвы онъ очиститъ сердце свое отъ грѣховныхъ страстей, укрѣпитъ волю свою въ добрѣ, перемѣнитъ нравъ, — образъ мыслей и содѣлается причастникомъ Божіей благодати. Восхваляя такихъ людей, которые Вышняго полагаютъ прибѣжищемъ своимъ въ жизни, св. Псалмопѣвецъ восклицаетъ: „Блаженіи люди вѣдущіи воскликновеніе! Господи, во свѣтѣ лица Твоего пойдутъ, и о имени Твоемъ возрадуются весь день, и правдою Твоею вознесутся. Яко похвала силы ихъ Ты еси...“ (Псал. 88. 16—18).

Напротивъ, жалокъ, несчастенъ, и бѣденъ тотъ человѣкъ, который отягощая душу свою печальми житейскими и разстраивая грѣхами, удаляется отъ Бога умомъ и сердцемъ на страну далече и дѣлается въ концѣ концовъ совѣмъ неспособнымъ къ молитвѣ. Хотя бы онъ обладалъ безчисленными сокровищами міра, пользовался всѣми благами и удобствами жизни, но если чрезъ это отпалъ отъ любви Божіей и лишился Божіей благодати, то онъ несчастенъ. „Ибо никакое земное благо не можетъ вполне удовлетворить, насытить, прохладить, утѣшить и возвеселить душу, созданную по образу и подобию Божію. Есть для нея иной покой, которымъ упокоевается; есть пища, которою питается, есть питіе, которымъ прохладается, есть свѣтъ, которымъ просвѣщается, есть красота, которою увеселяется; есть центръ, къ которому стремится, и, достигши того, ничего болѣе не ищетъ. Богъ и божественная Его благодать—душѣ все: покой, пища, питіе, свѣтъ, слава, честь, богатство, утѣшеніе, радость, веселіе и все блаженство, которымъ тогда вполне и удовлетворяется, когда сыщеть Его. Безъ Бога всякое блаженство—окаянство есть и бѣдность; житіе—смерть, радость и сладость—горестъ, Съ Богомъ жить и въ несчастіи есть счастье, въ нищетѣ—богатство, въ безславіи—слава, въ безчестіи—честь, въ скорби—утѣшеніе. Безъ Бога не можетъ быть истинный покой, миръ и утѣшеніе. А потому, когда человѣкъ отъ Создателя къ созданію обращается любовію,—отпадаетъ отъ своего истиннаго блаженства, и впадаетъ въ истинное окаянство и бѣдность; и какъ тотъ, который, оставивши царя своего любовію, и дружествомъ къ рабамъ его, низшимъ себя прилѣпляется, дѣлаетъ самъ себя безчестнымъ и бѣднымъ: такъ грѣшникъ въ безчестіе и окаянство себя предаетъ, когда, оставивши Бога, къ твари прилѣпляется. О такомъ поется, или паче съ сожалѣніемъ и плачемъ глаголется: „человѣкъ въ чести сый не разумѣ, приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ“ (Пс. 48, 13) ¹⁾.

¹⁾ Св. Тихонъ Задон. томъ V. Письма келейныя.

Да и что въ сравненіи съ Божіею благодатию и милостию представляютъ изъ себя блага міра?—А какъ бы ничто! Одна слеза умиленія благодатнаго, усладившая сердце во время теплоі молитвы къ Богу, драгоценнѣе для души всѣхъ сокровищъ міра сего. Одинъ вздохъ сокрушенія покаяннаго, растворенный надеждою на милосердіе Божіе, сладостнѣе и благотворнѣе для души всѣхъ благъ міра сего. И дѣйствительно, оглядываясь на всю прошедшую жизнь, пересматривая и вспоминая всѣ пережитыя чувства и впечатлѣнія,—тѣ только моменты жизни и кажутся блаженными, самыми лучшими и пріятными, когда касалась сердца благодать Господня, когда испытывалась душою радость о Господѣ Богѣ и когда освящался духъ сладостию молитвы. Все же остальное мірское и суетное, испытанное въ жизни, забылось со временемъ, потеряло свою пріятность, и какъ небывалое скрылось и исчезло изъ души, оставивъ по себѣ одни только жалкія воспоминанія. Вотъ каковы эти блага міра! А потому, кто чрезъ земныя блага и пристрастія отпадаетъ отъ любви Божіей и лишается Божіей благодати, тотъ человѣкъ—жалкій.

Глубоко несчастны также и жалки и всѣ тѣ, уклоняющіеся отъ истины люди, которые, увлекаясь современными идеями любви къ человѣчеству и употребляя силы души единственно на благоустройство матеріальной и экономической, личной и общественной жизни, забываютъ „Бога“ и лишаютъ себя молитвеннаго съ Нимъ общенія. Лишеніе такого великаго блага, какъ молитва, ничѣмъ не вознаградиво и не замѣнимо. Свѣтъ жизни, отраду, утѣшеніе, миръ, радость духовную, возможно обрѣсти только въ Богѣ—Источникѣ всякаго блага и получить отъ Него чрезъ посредство молитвы, какъ и Господь сказалъ: просите и дастся вамъ (Мѣ. 7. 7). Но гдѣ же найдетъ и получить такія блага тотъ человѣкъ, который удалился отъ Бога, который не имѣетъ заботы о душѣ своей и лишаетъ себя великаго сокровища—молитвы? Нигдѣ не найдетъ онъ ихъ! А безъ нихъ вся жизнь его будетъ полна мрака духовнаго, недовольства, унынія, разстройства и грѣхопаденій. И хотя бы такіе люди весь міръ облагодѣтельствовали, всѣхъ сдѣлали счастливыми на землѣ, но если чрезъ это сами отпали отъ Бога, лишили душу свою блаженнаго общенія съ Творцемъ и потеряли надежду спасенія, то они несчастны. „Кая бо польза человѣку, аще міръ весь пріобрѣтеть, душу же свою отщетитъ“ (отъ Бога), сказалъ Господь (Мѣ. 16. 26). Вѣдь не въ томъ состоитъ цѣль нашей жизни, чтобы имѣть въ виду только одно настоящее временное благо, а въ томъ, чтобы посредствомъ исполненія въ жизни заповѣдей Христовыхъ, украсить душу свою добродѣтелію, чтобы посредствомъ молитвы и добрыхъ дѣлъ содѣлаться совершенными въ любви къ Богу и наслѣдниками царствія Христова, куда не войдетъ ничто нечистое.

Великое значеніе имѣетъ молитва въ дѣлѣ содѣванія спасенія, въ дѣлѣ очищенія сердца отъ страстей, въ дѣлѣ преуспѣванія въ добродѣтеляхъ. Безъ нея какъ не мыслимо спасеніе, такъ не возможно и нравственное совершенство. „Всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ свыше есть, сходяй отъ Отца свѣтовъ,“ говоритъ св. Апостолъ (Іаков. гл. 1. 17) и испрашивается человѣкомъ отъ Бога молитвою. А потому кто не молится Богу и не испрашиваетъ Божіей милости и щедротъ, тотъ лишенъ бываетъ и благодатныхъ даровъ Божіихъ. И какія бы добрыя дѣла повидимому ни дѣлалъ человѣкъ, какія бы подвиги самоумерщвленія и самоотверженія не предпринималъ ради спасенія, но если онъ не считаетъ молитвы самымъ главнымъ дѣломъ, самую первую обязанностію, и подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ оставляетъ ее, то въ концѣ концовъ онъ разслабѣетъ нравственно и всѣ его добрыя дѣла потеряютъ силу. Только молитва одна имѣетъ свойство утверждать въ добрѣ подвизающуюся душу, очищать отъ сквернъ грѣха, облагораживать нравственно и насыщать небесными и святыми чувствами. Только молитва одна спасительна бываетъ въ дѣлѣ невидимой брани со врагами спасенія—демонами и побѣдоносна въ борьбѣ съ грѣхомъ. Только она одна раскрываетъ глубины души предъ Богомъ и вводитъ небесный миръ и любовь въ сердце. Ибо она, по выраженію св. отцевъ, есть—„царица добродѣтелей“. И насколько человѣкъ преуспѣваетъ въ жизни, насколько совершенствуется въ добродѣтеляхъ, настолько исправляется его молитва предъ Богомъ и очищается сердце отъ страстей. И на оборотъ,—по мѣрѣ разслабленія въ жизни, по мѣрѣ нравственнаго упадка и расстройства теряетъ свою силу и молитва, а вмѣстѣ съ этимъ ожесточается и сердце. Такъ что люди, пришедшіе въ крайнее развращеніе нравственное, совсѣмъ не способны бываютъ къ молитвѣ. А потому ее называлъ еще нѣкто изъ святыхъ „зеркаломъ души“, т. е. показательницею нашего нравственнаго состоянія предъ Богомъ. Такова она и есть на самомъ дѣлѣ. У кого доброе сердце, смиренная душа, кроткій и терпѣливый нравъ, тотъ съ радостію источаетъ слезы въ молитвѣ и соединяется въ одинъ духъ съ Господомъ, а у кого жестокое сердце, страстная душа и тяжелый нравъ, тотъ холоденъ и разсѣянъ бываетъ въ молитвѣ и непричастенъ Божіей благодати. И не было, нѣтъ и не будетъ на землѣ такого святого и блаженнаго мужа, который бы могъ достигнуть высоты совершенства духовнаго, могъ возсіять дарами благодати Божіей, не будучи вмѣстѣ и великимъ молитвенникомъ. Вотъ что говорить о молитвѣ св. Златоустъ.

„Безъ Божія мановенія и призрѣнія на насъ ничего добраго не войдетъ въ души наши. Божіе же мановеніе нисходитъ на наши труды и ихъ добрѣ облегчаетъ, если видигъ, что мы

любимъ молитву, часто къ Богу обращаемся съ прошеніями, и чаемъ оттолѣ низойти къ намъ всякому благу. Почему, когда вижу я кого не любящаго молитвы и не имѣющаго теплаго и сильнаго къ ней расположенія, то изъ этого явнымъ для меня бываетъ, что человѣкъ тотъ ничего благороднаго и высокаго въ душѣ своей не имѣетъ. А когда вижу кого ненасытно емлющимся за богослуженіе и лишеніе частой молитвы почитающимъ однимъ изъ величайшихъ потерь и уцербовъ, то удостовѣряюсь, что онъ есть вѣрный подвижникъ всякой добродѣтели, есть храмъ Божій. Ибо если „одѣяніе мужа, и смѣхъ зубовъ и стопы человѣка возвѣщаютъ яже о немъ“ (Сир. 19. 27),—по слову премудраго; тѣмъ паче молитва и служеніе Богу есть знакъ всякой праведности, будучи убранствомъ нѣкимъ духовнымъ и божественнымъ, которое великое благообразіе и красоту сообщаетъ помышленіямъ нашимъ, жизнь каждаго благоустрояетъ, не допускаетъ держать на умѣ что либо неумѣстное и дурное, внушаетъ благоговѣнствовать къ Богу, и чтить честь, коею Онъ благоволилъ почтить насъ, научаетъ отвращаться отъ всякаго суевѣрнаго волхованія, изгоняетъ срамные и пустые помыслы, и душу всякаго настраиваетъ презирать плотскія страсти. Сія единая гордость приличествуетъ чтущимъ Христа не рабствовать ничему срамному, но блюсти душу свою въ свободѣ отъ всего и въ непорочной жизни (2. 776—7).

Что безъ молитвы никакъ невозможно имѣть сожительницу себѣ добродѣтель и съ нею теши путемъ жизни, думаю, для всякаго само собою ясно. Ибо какъ бы кто сталъ подвизаться въ добродѣтели, не приступая и не припадая часто къ Тому, Кто есть податель и дарователь добродѣтели? Кто бы даже желаніе быть цѣломудреннымъ и праведнымъ въ себѣ постоянно питать былъ силенъ, не держа съ удовольствіемъ бесѣды съ Тѣмъ, Кто требуетъ отъ насъ и это, и еще большее того? Но я берусь доказать короткимъ словомъ, что молитвы (возродясь въ насъ или бывъ начаты нами), хотя бы застали насъ преисполненными всякихъ грѣховъ, скоро очищаютъ отъ нихъ. И въ такомъ случаѣ что будетъ болѣе молитвы велико и божественно, если она окажется цѣлительнымъ врачествомъ для тѣхъ, которые болятъ душею? Се—Ниневитяне первые являются молитвою очистившимися отъ многихъ своихъ предъ Богомъ грѣховъ. Какъ только взяла ихъ молитва (на свое попеченіе), тотчасъ сдѣлала и праведными,—и городъ привыкшій жить въ непотребствѣ, лукавствѣ и всякомъ беззаконіи, быстро исправила пересиливъ устарѣлые худыя навыки, и небесные водворивъ законы, приведши съ собою и цѣлсудріе и человѣколюбіе, и кротость, и попеченіе о бѣдныхъ. Безъ этихъ добродѣтелей она и не водворяется въ душѣ; но обыкновенно въ какую душу все-

ляется она, ту дѣлаетъ полною всякой праведности,--настраи-
ваетъ ее на всякую добродѣтель, а всякое худо изгоняетъ изъ
нея (2. 777).

Можетъ быть кто нибудь изъ лѣнливыхъ и нехотящихъ усердно
и тщательно молиться вздумаетъ оправдывать себя словами са-
мого Господа: не всякъ глаголай ми: Господи, Господи, внидетъ
въ царствіе небесное, но творяй волю Отца Моего, Иже на не-
бесѣхъ (Мѳ. 7, 21).—На это скажу, что еслибъ я почиталъ одну
молитву достаточною ко спасенію, то справедливо бы иной могъ
воспользоваться этими словами противъ меня. Но какъ я говорю,
что молитва есть глава всѣхъ добродѣтелей, корень и основаніе
спасительной жизни; то никто пусть не прикрываетъ своей къ
молитвѣ лѣнности такими словами. Ни цѣломудріе одно не мо-
жетъ спасти безъ другихъ добродѣтелей, ни попеченіе о бѣд-
ныхъ, ни благодать, ни другое какое либо изъ похвальныхъ дѣлъ;
но надобно чтобы всѣ добродѣтели стеклись въ нашу душу, а
молитва чтобъ какъ основаніе и корень лежала подъ ними. Какъ
корабль и домъ нижнія части дѣлаютъ крѣпкими и сплоченными:
такъ и жизнь нашу молитвы скрѣпляютъ; безъ нихъ же ничего
въ насъ не бываетъ добраго и спасительнаго. Почему св. Павелъ
настоятельно повелѣваетъ намъ прилежать молитвѣ, говоря: „въ
молитвѣ пребывайте, бодрствуя въ ней со благодареніемъ“
(Кол. 4, 2); въ другомъ мѣстѣ говоритъ онъ: „непрестанно мо-
литесь, о всемъ благодарите: сія бо есть воля Божія“ (Кол. 5.
17. 18); и въ другомъ еще мѣстѣ: „всякою молитвою и моленіемъ
молитесь на всякое время духомъ, и въ сіе истое бдяще во вся-
комъ терпѣніи“ (Еф. 6, 18). Такъ многими и божественными сло-
вами увѣщаваетъ насъ къ молитвѣ сей вождь апостольскій. По-
чему намъ, ученикамъ его, надлежитъ съ молитвою теши путемъ
жизни нашей и ею чаще орошать и напаять душу свою: ибо
всѣ мы не менѣе имѣемъ въ ней нужду, чѣмъ дерева въ водѣ.
Ни они не могутъ приносить плодовъ, если не будутъ впитать
корнями своими воды, ни мы—источать многоцѣнные плоды бла-
гочестія, если не будемъ напаяемы молитвами (2. 778—9). До
сего св. Златоустъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

•••••

НИКИФОРЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Его фамилію едва ли кто зналъ. Вообще знакомые мало ин-
тересовались его прошлымъ. Самъ онъ не любилъ рассказывать
о томъ, какъ онъ жилъ ранѣе. Слыхали, что отецъ Никифора
Петровича былъ начальникомъ Яренской почтово-телеграфной
конторы, а онъ въ молодые годы служилъ въ Яренскомъ уѣзд-
номъ казначействѣ, имѣлъ чинъ губернскаго секретаря.

Знакомые Никифора Петровича видѣли въ немъ человѣка Божія, юродствовавшаго Христа ради, они видѣли въ немъ раба Христова, подвижника, получившаго отъ Господа даръ прозорливости, поэтому обращались къ нему съ просьбою помолиться.

Никифоръ Петровичъ странствовалъ, но ходилъ только въ предѣлахъ двухъ уѣздовъ Яренскаго и Сольвычегодскаго. Онъ былъ роста средняго, нѣсколько сутуловатъ, волосы на головѣ имѣлъ короткіе, носилъ всегда старую со множествомъ заплатъ шинель почтоваго вѣдомства, на ногахъ — кожаные коты. Добрые люди не разъ предлагали ему хорошую одежду, чтобы на нее перемѣнилъ онъ свою шинель, предлагали крѣпкіе сапоги вмѣсто котовъ, онъ какъ будто не отказывался, благодарилъ расположенныхъ къ нему лицъ за любовь, иногда говорилъ: „положи, я завтра одѣну“, а утромъ рано, не сказавшись никому, уходилъ въ путь въ прежнихъ лохмотьяхъ. Изрѣдка, по настоятельной просьбѣ почитателей, Никифоръ Петровичъ бралъ у нихъ бѣлье, денегъ же ему ни за что нельзя было вручить. Онъ совершенно гнушался ими. Какъ-то разъ іеромонахъ о. Геннадій въ бытность въ Коряжемскомъ монастырѣ (Сольв. у.), который Никифоръ очень любилъ, упросилъ раба Христова взять у него пару бѣлья. Получивъ согласіе принять, о. Геннадій ушелъ въ другую комнату, досталъ бѣлье и завернулъ въ рубашку 50 копѣекъ, предполагая, что Никифоръ Петровичъ не догадается и возьметъ бѣлье съ деньгами. И что же? Когда онъ взялъ въ свои руки подарокъ, сталъ благодарить благодетеля и сверхъ ожиданія самъ развертываетъ бѣлье и вытряхиваетъ деньги со словами: „эту дрянъ мнѣ не надо“. О безсребренничествѣ Никифора Петровича можно судить по тому, что онъ ни разу въ жизни, будучи въ отставкѣ, не получалъ пенсіи. Между тѣмъ въ продолженіи многихъ лѣтъ скитальничества послѣ службы въ Яренскомъ казначействѣ онъ долженъ бы получить тысячи четыре рублей. На вопросъ: почему онъ не пользуется пенсіей, или почему, если самому не нужно, онъ не отдаетъ ее сестрѣ своей, Никифоръ Петровичъ всегда отвѣчалъ: „что я сдѣлалъ хорошаго для казны, казенное пусть въ казнѣ и остается“. Какое смиреніе и безсребренничество сказывается въ этомъ отвѣтѣ! Въ цѣляхъ подвижничества, подобно преп. Серафиму Саровскому, Никифоръ Петровичъ во время своего странствованія по обителямъ и всеямъ Сольв. и Яренскаго уѣздовъ носилъ на плечахъ по три мѣшка. Они наполнены были тряпьемъ, камнями, пескомъ и спускались чуть не до самыхъ ногъ. Тяжесть въ нихъ была очень значительная, но кромѣ того мѣшки колотили подвижнику ноги и мѣшали шагать. Случалось, что онъ не могъ носить всѣхъ трехъ мѣшковъ вмѣстѣ, но стащить одинъ изъ этихъ мѣшковъ сажень на пятьдесятъ, иногда на полверсты,

оставить его на дорогѣ, а самъ пойдетъ за другими мѣшками и такъ дѣлать на протяженіи многихъ верстъ.

Подвижника Божія, который людямъ представлялся безумцемъ, чтобы они издѣвались надъ нимъ, но жизнь котораго исполнена была великаго смысла и высокихъ христіанскихъ добродѣтелей, Господь сподобилъ дара прозрѣнія. Всѣ, кто зналъ Никифора Петровича, испыталь на себѣ, что онъ вѣдалъ даже мысли и намѣренія людей, говорилъ то, что его собесѣдникъ только что подумалъ, даже онъ имѣлъ даръ отъ Бога предсказывать будущее.

Весной, въ первыхъ числахъ Апрѣля проходилъ Никифоръ Петровичъ большой дорогой мимо деревень Поздышева, Заболотья и другихъ сосѣднихъ. По обычаю онъ таскалъ на пути свои тяжелые мѣшки по одиночкѣ, возвращаясь за остальными. Нѣкоторые крестьяне говорили ему: зачѣмъ, ты, Никифоръ Петровичъ, таскаешь мѣшки по дорогѣ, вѣдь загрязнишь ихъ? А онъ отвѣчалъ: „погодите вы еще не такъ натаскаетесь“. И что же? Той весной былъ дорогъ хлѣбъ и пришлось крестьянамъ таскаться съ мѣшками по богатымъ людямъ съ просьбою помочь имъ хлѣбомъ.

Однажды встрѣчаетъ на дорогѣ Никифора Петровича Устюгскій мѣшанинъ Максимъ Александровичъ Гладышевъ, по профессіи мясникъ, и подаетъ ему пять копѣекъ денегъ. Старецъ беретъ эти деньги, пристально смотритъ на нихъ и подаетъ Гладышеву обратно со словами: „тебѣ они самому пригодятся, тебя богатые оберутъ“. Прошло полгода послѣ этого. Случилось, что домъ мясника продали съ аукціона, все имущество его отобрали и совсѣмъ выгнали на улицу.

Никифоръ Петровичъ очень былъ расположенъ къ нынѣшнему настоятелю Коряжемскаго Николаевскаго монастыря игумену о. Павлу. Часто бывалъ онъ у него и въ Прилуцкомъ Николаевскомъ монастырѣ, гдѣ онъ настоятельствовалъ до Коряжмы. Отецъ Павелъ рассказываетъ случаи прозорливости Никифора Петровича.

— „Вскорѣ послѣ водворенія моего въ Прилуцкомъ Николаевскомъ монастырѣ, приходитъ въ одинъ день ко мнѣ старецъ, — странникъ; на немъ была надѣта форменная шинель почтоваго чиновника, а на плечахъ вѣсились три мѣшка (кошеля), спускающіеся до самыхъ ногъ. Меня заинтересовалъ дивный старецъ и я пригласилъ его къ тебѣ пить чай. Съ тѣхъ поръ мы и познакомились съ Никифоромъ Петровичемъ. Онъ приходилъ въ монастырь ежегодно по два раза и во время чаепитія постоянно говорилъ мнѣ о переводѣ меня въ другой монастырь. Когда же бывало спросишь его: скажи, Никифоръ Петровичъ куда меня переведутъ, то онъ начинаетъ говорить что нибудь

другое несуразное; перебирать губернатора, исправника, лѣсничихъ и др. Слова его и исполнились. Меня перевели изъ Прилукъ на Вычегду, въ настоятели Коряжемскаго монастыря.

Однажды мнѣ, рассказываетъ о. Павелъ, пришлось ѣхать въ Троицкій, Стефано-Ульяновскій монастырь по дѣламъ благочинія. Въ праздникъ святителя Николая въ Декабрѣ я выѣхалъ со станціи Вогвадино, къ ст. Часовой. Дорога на протяженіи 25 верстъ идетъ лѣсомъ. Приближаемся къ станціи Часовой. Время было позднее. Солнце уже зашло. Морозъ достигалъ до 40 градусовъ. Попадается навстрѣчу Никифоръ Петровичъ, который только что отправился со станціи Часовой и шелъ по обычаю со своими тяжелыми кошельми, по направленію къ стан. Вогвадино. Я велѣлъ ямщику остановить лошадей и спросилъ Никифора Петровича: куда онъ пошелъ въ такой поздній часъ, на такой волокъ и въ сильный морозъ. Онъ отвѣчаетъ спокойно: „я пошелъ домой въ Яренскъ“. Доѣхавъ до станціи Часовой и отпуская ямщика въ путь, я далъ ему 30 копѣекъ и просилъ, чтобы онъ увезъ Никифора Петровича до ст. Вогвадино. Когда мнѣ черезъ нѣсколько дней пришлось возвращаться изъ Ульяновскаго монастыря черезъ Вогвадино, я нарочно поинтересовался у этого ямщика спросить, увезъ ли онъ Никифора Петровича до своей деревни, но тотъ сказалъ, что его не могъ догнать и вовсе не видѣлъ. Послѣ того, когда Никифоръ Петровичъ опять явился въ монастырь ко мнѣ пить чай, я спросилъ его: „почему тебя не могъ догнать ямщикъ на волоку между станціями Часовой и Вогвадино, тогда какъ была только одна верста отъ станціи, гдѣ ты мнѣ встрѣтился и самъ ты такъ тихо шелъ?“ Онъ долго молчалъ, не сказывалъ, а потомъ и говорить: „я на пустой мельницѣ ночевалъ въ лѣсу; у него—лошади, а у меня—Богъ, потому я скорѣе его попалъ на станцію“.

Когда меня перевели въ Николаевскій Коряжемскій монастырь, Никифоръ Петровичъ по обычаю посѣщалъ нашъ монастырь дважды въ годъ. Въ монастырѣ въ оградѣ былъ большой пенъ отъ кедроваго дерева. Когда рабъ Божій приходилъ въ монастырь, то не разъ видали его молящимся горячо у этого пня, нѣкоторые даже смѣялись надъ нимъ, называя дуракомъ, что онъ пню молится. Никифоръ Петровичъ говорилъ, что тутъ будетъ церковь. И оказалось, что гдѣ былъ пенъ, на томъ самомъ мѣстѣ теперь будетъ св. престолъ у новаго строящагося въ монастырѣ трапезнаго храма.

Каждый разъ, когда приходилъ въ монастырь Никифоръ Петровичъ, то неизмѣнно ночевалъ одну ночь, а въ послѣдній разъ былъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1908 года и ночевалъ тогда три ночи и говорилъ: „теперь я, можетъ быть, къ вамъ пришелъ послѣдній разъ“. Я давалъ ему кое-что изъ одежды и бѣлья, но онъ

ни за что не хотѣлъ брать и говорилъ: „мнѣ больше теперь не надо“, и взялъ только нѣсколько лоскутковъ.

Иеромонахъ Спасо-прилуцкаго монастыря о. Геннадій, прекрасно знавшій Никифора Петровича и чтившій его за великаго подвижника и прозорливца, рассказываетъ нѣсколько случаевъ проявленія сего даже изъ своей жизни.

— „Когда я жилъ въ Прилуцкомъ Николаевскомъ монастырѣ, куда пріѣхалъ изъ Петербурга, чтобы успокоить свой мятущійся духъ послѣ потери жены, однажды въ моей келіи сидѣлъ о. игумень Павелъ и мы съ нимъ бесѣдовали. Въ это время приходитъ къ келію мою одинъ изъ послушниковъ и говоритъ: „въ монастырѣ Никифоръ Петровичъ“. Я и говорю отцу игумену: „благословите позвать его къ себѣ—пить кофе“. Не успѣлъ я проговорить это, отворяется дверь комнаты, входитъ Никифоръ Петровичъ, называетъ меня по имени, „я иду къ тебѣ кофей пить“, говоритъ онъ. Съ этого раза я всегда относился къ рабу Христову постоянно съ великимъ почтеніемъ и даже благоговѣніемъ. И онъ, когда бывалъ въ монастырѣ, всякій разъ заходилъ ко мнѣ.

Былъ еще такой случай: въ 1902 году 17 Апрѣля приходитъ ко мнѣ Никифоръ Петровичъ въ какомъ-то возбужденномъ видѣ и говоритъ скороговоркой: „дай мнѣ псалтирь, надо читать по покойникѣ“. Я спрашиваю: по какомъ? А онъ одно говоритъ: „давай скорѣе, мнѣ надо читать по покойникѣ“. Я вручилъ ему молитвенникъ и онъ ушелъ на странную, гдѣ и читалъ, какъ потомъ рассказывали скотницы, громкимъ голосомъ: „упокой Господи, упокой Господи“.

Съ 18 на 19-е Апрѣля ночью умеръ мой задушевный товарищъ и другъ монахъ Стефанъ, родомъ кіевлянинъ, жившій со мною рядомъ въ келіи.

Когда я поселился на жительство въ Николаево-Коряжемскій монастырь, Никифоръ Петровичъ не забывалъ меня своимъ посѣщеніемъ. Какъ только приходитъ въ монастырь, является ко мнѣ съ заявленіемъ: „иду кофей пить“ и всегда что-нибудь скажетъ такое, что известно только одному Богу, да мнѣ.

Какъ-то пришлось мнѣ крупно поговорить съ лѣсничимъ по поводу неправильной порубки лѣса. Лѣсничій на меня очень обидѣлся. Пріѣзжаю въ монастырь, а Никифоръ Петровичъ меня дожидается. Я приглашаю его кофе пить, а онъ кланяется и говоритъ: „меня благодарить лѣсничинъ, что ты его похвалилъ, это такъ постоянно надо, это такъ постоянно надо“... и много разъ повторилъ и самъ все кланяется. Это меня очень поразило. Какъ онъ могъ знать, что было у насъ съ лѣсничимъ?.. Поистинѣ прозорливецъ!

Въ одно изъ посѣщеній обители Никифоръ Петровичъ заходитъ ко мнѣ въ келію. Въ это время сидѣлъ у меня отецъ игу-

мень Павелъ. Блаженный обращается къ нему, смотреть на его грудь и говорить: „гдѣ же у тебя орденъ?“ О. игумень въ недоумѣніи спрашиваетъ: „какой орденъ“, а онъ одно твердитъ: „гдѣ же у тебя орденъ?“ Дѣйствительно въ скоромъ времени о. Павелъ получилъ орденъ Анны 3й степени.

Получилъ я съ почты и читаю письмо товарища, который съ 1900 года все думаетъ поступить въ монастырь, но никакъ не можетъ вырваться изъ оболстительныхъ тенетъ міра. Онъ пишетъ мнѣ, что черезъ мѣсяцъ пріѣдетъ въ обитель и спрашиваетъ, какъ поступить съ вещами и проч. Въ это время входитъ въ келію Никифоръ Петровичъ. Ему словно кто сказалъ о содержаніи письма.

— Да они мірскіе только на словахъ ѣдутъ въ монастырь, нѣтъ, нѣтъ, не пріѣдетъ и не зачѣмъ, заявилъ юродивый.

Какъ я не защищалъ товарища, убѣждая, что онъ обязательно пріѣдетъ, Никифоръ Петровичъ одно твердилъ: „они только на словахъ пріѣдутъ“.

Послѣ этого разговора прошло 6 лѣтъ, а товарищъ все еще живетъ въ міру и, какъ видно изъ его писемъ, не въ силахъ порвать съ нимъ связь. Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1909 года Никифоръ Петровичъ скончался. Угасъ еще свѣтильникъ, горѣвшій тихимъ свѣтомъ, учившій примѣромъ своимъ истинной жизни, смыслъ которой заключается не въ земномъ благосостояніи и довольствѣ, но въ служеніи Христу Спасителю въ смиреніи, безкорыстіи, терпѣніи и подвижѣ.

Игумень Неофитъ.

Чудесное исцѣленіе больной заступленіемъ Святителя и Чудотворца Николая.

„Ко времени 1865 года я священствовалъ въ Святоозерской пустыни, Гороховецкаго уѣзда, Владимірской епархіи.

Мужъ моей родной сестры Ольги Осиповны—о. Іоаннъ Аеи-ногеновичъ Либеровскій въ то время священствовалъ въ с. Синжанахъ, Меленковскаго уѣзда. Въ письмѣ ко мнѣ онъ сообщалъ о болѣзни послѣ родовъ своей супруги, моей сестры, слѣдующее.

— „Сестра ваша Ольга Осиповна сильно заболѣла и притомъ загадочно: въ разсудкѣ помѣшалась,—какъ бѣсноватая, не можетъ смотрѣть на св. иконы, прикасаться къ нимъ, выражается похулительно о нихъ,—на всемъ тѣлѣ язвенная сыпь“.

Сообщая о семъ, зять мой просилъ молиться о больной.

Въ слѣдующемъ же письмѣ чрезъ небольшой промежутокъ

времени мой зять сообщалъ мнѣ уже подробно о чудесномъ исцѣленіи больной.

— „Дорогой братъ!“ писалъ онъ. „Твоя молитва и молитва всѣхъ моихъ дорогихъ родныхъ наконецъ услышана милосердымъ Господомъ Богомъ. Двѣ недѣли мы были съ больной въ Муромскомъ женскомъ монастырѣ и молились. Сестра твоя, моя дорогая супруга Ольга Осиповна теперь совершенно здорова. Святитель Христовъ и великій угодникъ Божій Николай явилъ намъ свое дивное заступленіе. Расскажу все, какъ дѣло было.

Однажды въ сумерки подошли къ нашему дому два челоѣвка, судя по одеждѣ, монахи, и попросились у насъ переночевать. На просьбу монаховъ о ночлегѣ я отвѣтилъ: всей душой радъ былъ-бы васъ, отцы святые, пустить на ночлегъ, да въ домѣ у меня тяжело больная, супруга моя, лежитъ въ горницѣ, а въ кухнѣ ночевать вамъ будетъ ужъ очень тѣсно.—Монахи отвѣтили: „у тебя, батюшка, въ кухнѣ на божницѣ есть икона св. Чуд. Николая. Помолитесь предъ сей иконой Угоднику Божию съ водосвятиемъ и св. водой обливайте икону и обмывайте сей водой тѣло больной“.

Сказавъ это, монахи ушли. А мы, какъ только монахи ушли, приступили къ выполнению ихъ совѣта.

Наша больная, во время обмыванія будучи сильно сотрясена, стала сильнымъ голосомъ выкликать слѣдующее:

— „Теперь не могу молчать! Болѣзнь эта дѣло моихъ рукъ! Помните-ли послѣ родовъ больной на ряду съ другими были въ домѣ семь, въ кухнѣ, двѣ женщины съ приношеніями роженицѣ,—въ рукахъ одной была чашка съ клюквой и медомъ?!. Эта женщина шептала заклинанія надъ своимъ приношеніемъ, каковымъ и угостила больную и думала прослыть знахаркой въ случаѣ, если бъ больная скоро оправилась отъ родильной болѣзни. А другая добрая останавливала ту, говоря: „а вонъ Св. Николай,—(икона его стояла въ кухнѣ на божницѣ) не попуститъ Онъ твоему злему умыслу совершиться!“ А та: „у Святителя-то твоего по глазамъ-то трещина: Онъ ничего не видитъ, что я дѣлаю“...

— Нѣтъ! Онъ все видѣлъ и слышалъ!

Онъ слышалъ и молитву своихъ почитателей и теперь обличаетъ богомульство и вредительство той женщины, а сію больную исцѣляетъ за молитвы многихъ ея родныхъ!..

Поистинѣ дивенъ Богъ во Святыхъ Своихъ! Икона Св. и Чуд. Николая, имѣвшая по лику трещину, послѣ чудеснаго исцѣленія моеѣ сестры зятемъ моимъ была украшена и всегда особенно чтилась.

Теперь-же икона сія находится при вдовой уже сестрѣ моеѣ, живущей въ домѣ сына своего священника с. Головина, Покров-

скаго уѣзда, о. Дмитрія Либеровскаго. Сестрѣ моей теперь 72 года“.

Вотъ что я могъ записать лично со словъ уважаемаго моего тестя о. Александра Иосифовича Прудентова, заштатнаго уже священника, находящагося на краю могилы: ему 76 лѣтъ. Нельзя не признать рассказъ сей за достовѣрный,—какъ таковой въ честь Угодника Божія Св. и Чуд. Николая я смѣло предаю гласности ко утѣшенію всѣхъ православныхъ хрістіанъ. (Приходъ с. Синжанъ сильно и теперь зараженъ молоканствомъ, не признающимъ святыхъ угодниковъ и св. иконъ).

Передавъ вышеприведенный случай чудеснаго исцѣленія больной сестры своей, мой уважаемый тесть—старецъ припомнилъ и и другой случай заступленія Св. и Чуд. Николая, скорого помощника въ бѣдахъ людскихъ, имѣвшій мѣсто по времени нѣсколько ранѣе въ предѣлахъ его прихода. Объ этомъ второмъ случаѣ онъ такъ мнѣ повѣдалъ.

„Въ 1856 мѣ году въ деревнѣ Щербининѣ, Нижне-Ландеховской волости, Гороховецкаго уѣзда, прихода Святоозерской пустыни, жили два брата: Осипъ и Савва Андреевы. У Осипа дѣтей не было, а у Саввы былъ сынъ Никонъ. У Никона-же было нѣсколько человекъ дѣтей и между прочимъ пятилѣтній сынъ Иванъ.

Осипъ Андреевъ, не имѣвшій собственныхъ дѣтей, любилъ малютокъ своего племянника Никона. Его пятилѣтняго сына Ивана разъ взялъ онъ съ собою на пасѣку, отстоявшую въ 4-хъ верстахъ отъ деревни. Матери крайне не хотѣлось отпустить въ лѣсъ съ дѣдушкой своего сына: чужло матернее сердце нѣчто недоброе, но Осипъ наконецъ упросилъ молодуху и довель или лучше донесъ Ванюшку до пасѣки. Не доходя нѣсколькихъ сажень до пасѣки, дѣдъ Осипъ для развлечения внука срубилъ одну сосенку и указалъ, какъ пососать сокъ съ нея. Самъ же, придя на пасѣку, занялся осмотромъ ульевъ: подчисткой и подкормкой пчель. Окончивъ свое дѣло, Осипъ подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ покинулъ внука. Каково-же было его удивленіе, когда внука своего Ванюшу на мѣстѣ не нашелъ, да не нашелъ его и около нигдѣ?!.. Лѣсъ уходилъ далѣе на 50 верстъ (Флорищевскій боръ). На пути домой Осипъ заходилъ на ближайшую водяную мельницу, полагая, не тутъ ли его внукъ, но нѣтъ: внука не оказалось даже и въ деревнѣ. Можете себѣ представить, каково было горе родителей?! О пропажѣ мальчика дано было знать властямъ. По наряду отъ начальства не мало людей съ волости отыскивало мальчика въ лѣсу, но его никто и нигдѣ не могъ найти.

Какъ къ приходскому священнику, (передавалъ о. А. І. Прудентовъ) священствовавшему тогда въ Святоозерской Пустыни,

обратились ко мнѣ родители пропавшаго мальчика съ просьбой помолобствовать Св. и Чуд. Николаю на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ пропалъ мальчикъ.

На мѣсто пропажи взяли икону Св. и Чуд. Николая изъ Пустынской церкви. Молилась о пропавшемъ мальчикѣ и бабушка его, послушница Евдокія, при совершении молебнаго пѣнія священниками с. Нижняго-Ландеха въ часовнѣ близъ села. Въ часовнѣ находилась уважаемая мѣстнымъ окрестнымъ населеніемъ рѣзная икона Св. и Чуд. Николая, икона очень древняя.

Лишь на 6-й день мальчикъ объявился и вотъ какъ это было. Версты на 4 ре отъ мѣста пропажи, въ противоположную сторону отъ дер. Щербининой, находилась одна изъ деревень прихода с. Георгіевскаго. Дѣвочки этой деревни гуляли недалеко по рѣчкѣ и перекликались между собою. На ихъ-то голосъ и вышелъ Ваня.—„Не ты ли тотъ Ваня, котораго народомъ эти дни все искали?“ спросили дѣвочки. Мальчикъ отвѣтилъ утвердительно. Сбѣжались люди со всей деревни къ мальчику. Когда его спросили: „какъ же ты цѣлъ остался?“ въдь тебѣ, поди, было и холодно и голодно эти дни?! Мальчикъ отвѣчалъ: „добрый, ласковый старичекъ меня кормилъ ягодками и укладывалъ спать подъ кусточекъ на тепленкѣй халатикъ.“

А нужно сказать: дѣло было въ маѣ. Утренники стояли довольно крѣпкіе,—днемъ же мальчика могли сильно донимать комары и мошки.

Если-бы не заступленіе Святителя и Чудотворца Николая, мальчикъ едва-ли бы найденъ былъ живымъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ безъ обуви, въ одной рубашечкѣ и безъ штаниковъ. По молитвамъ св. Церкви и ходатайству Угодника Божія Николая врагъ спасенія людей былъ посрамленъ, а, видимо, онъ хотѣлъ первоначально загубить мальчика и чрезъ то поселить вражду непримиримую между любящей его крѣпко матерью и дѣдомъ Осипомъ“. 9 Октября 1909 года.

Священникъ Леонтіи Троицкій.